

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ А.С. ПУШКИНА

В статье рассматривается историософская составляющая творчества великого русского поэта и мыслителя. История у Пушкина не выступала как метафизическая проблема, хотя он признавал в ней проявления трансцендентной закономерности в виде судьбы. Движущей силой исторического процесса мыслитель считал деятельность великих людей. Пушкинская философия истории как по форме, так и по содержанию, может рассматриваться как синтез поэзии, истории и философии, этих трех главных органов человеческого самопознания и величайших духовных потенций.

Ключевые слова: философия истории, философия литературы, мировоззрение, славянофильство, западничество, индивидуальность, масса.

Как известно, сам термин «философия истории» впервые употребил Вольтер в своем одноименном труде. Вольтер подразумевал под этим термином универсальное обозрение человеческой культуры. Современная философия истории, как правило, пытается ответить на вопросы о духовно-нравственном смысле исторического процесса и об его объективных закономерностях, если таковые вообще имеются. Философы любят размышлять о путях реализации человеческих сущностных сил в истории, о роли личности в историческом процессе. Говорить о наличии определенных историософских представлений как составной части мировоззрения можно применительно к любому мыслителю. То, что гениальный поэт и создатель современного русского литературного языка А.С. Пушкин (1799–1837) был самобытным русским мыслителем, обычно никто не берется отрицать. Но все-таки Пушкина чаще рассматривают как гения изящной словесности, чарующего читателей «сладкими звуками» божественной поэзии. Духовное содержание творчества Пушкина, в том числе и философское содержание наследия поэта, остается и по сей день не оцененным и не востребованным. В этой статье мы не только попытаемся вычленить определенные идеи великого русского гения, которые можно отнести к его специфичной философии истории, но и показать актуальность этих идей для нашей эпохи.

Каждое время находит в творческом наследии Пушкина что-то свое, интимно-близкое и душевное. Наша эпоха – не исключение. Можно сказать, что суть гениальности в неисчерпаемости разгадок. Любой гений как бы воскресает к новой жизни именно в переломную эпоху. Мыс-

ли гения о собственном времени становятся вне-временными. Скажем, эти пушкинские строки, вышедшие из-под его пера в 1824 году, как будто написаны о современной России, о мизерном настоящем нашей некогда великой Родины:

*И горд и наг пришел Разврат,
И перед ним сердца застыли,
За власть отечество забыли,
За злато продал брата брат.
Рекли безумцы: нет Свободы,
И им поверили народы.
И безразлично, в их речах,
Добро и зло, всё стало тенью -
Всё было предано презрению,
Как ветру предан дольний прах*

[1;388-389].

Разгадывая гениев, человечество, в сущности, каждый раз разгадывает себя. Ведь Пушкина волновали те же вечные, общечеловеческие, философские вопросы, ответы на которые человечество искало, ищет и будет искать: в чем смысл человеческого существования – как индивидуального, так и родового, да и самой истории в целом? Может ли человек творить историю или же целые народы суть лишь жалкие кораблики, пущенные в бушующие океаны времени по воле своенравной Клио?

Многим нашим продажным политикам-реформаторам, преклоняющимся перед Западом, и ученым, живущим на закордонные гранты-поддачки, стоило бы вспомнить такие слова нашего национального гения, написанные им по поводу оценки французского историка Гизо: «Гизо объясняет одно из событий христианской истории, – европейское просвещение. Он обретает его заро-

дыш, описывает постепенное развитие и, отклоняя все отдаленное, случайное и постороннее, доводит до нас сквозь ряд темных и кровавых, тяжелых и расцветающих веков. Вы поняли все достоинство французского историка, поймите ж и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою, что история ее требует другой мысли, другой формулы, чем мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада» [2;7;100].

Гёте как-то сказал, что реальность укладывается в любую теорию лишь на тот лад, на какой живое тело подходит ко всякому кресту, на котором оно распинается. Не все сущее делится на разум без остатка, любил говаривать немецкий мудрец. Думается, что Пушкин согласился бы с ним. Недоверие к рациональным и стройным, но безжизненным схемам, пытающимся объяснить саму жизнь, сохранялось в русском гении на протяжении всего его творческого пути. В рецензии на религиозно-дидактический трактат поэта Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека» Пушкин пишет: «Мысль отдельно никогда ничего нового не представляет; мысли же могут быть разнообразны до бесконечности» [2;7;324]

Пушкина, как и Гёте, нельзя назвать философom в узком смысле этого слова. Если понимать под «профессионализмом» в философии абстрактное осмысление действительности, выраженное в категориях, то тогда большинство русских писателей и поэтов не могут быть причислены к лику философии. Но давно было отмечено, что основная форма существования русской философии – отнюдь не спекулятивный трактат, а именно художественное произведение: роман, поэма, повесть. Именно на страницах своих художественных творений развертывают и решают философские проблемы русские мыслители.

Поэтому при чтении пушкинских строк складывается впечатление, что открывается бесконечная широта духовного горизонта. С.Л. Франк в эссе «Светлая печаль» отмечал: «Чем больше вдумываешься в духовный мир Пушкина или, вернее, непредвзято отдаешься его действию на себя, тем острее чувствуешь, как мало еще доселе осознаны и оценены его богатство и глубина. Поверхностное отношение к духовному миру Пушкина отчасти определено самой формой его поэзии. Она так законченно прекрасна, что эстетически приковывает к себе, пленяет сознание читателя и – странным образом – от-

влекает внимание от глубины и значительности выражаемого ею духовного содержания» [4;107].

Пушкин, как и многие гении, умственно сформировался рано. Его старший друг и учитель В.А. Жуковский отмечал, что уже в 18-летнем возрасте Пушкин думал как 30-летний человек. Его ум созрел гораздо раньше, чем характер. И думается, что интерес и любовь к истории сыграли не последнюю роль в интеллектуальном развитии мыслителя. Ариадна Тыркова-Вильямс в своей биографии Пушкина пишет: «Пушкин любил историю, любил архивы, прелесть старой книги и пыльной хартии, запах старых переплетов, знакомый по детской Москве, по Китайскому домику Карамзиных, по библиотеке Святогорского монастыря. В нем были все данные первоклассного историка – острая память, щепетильная правдивость и точность, чутье и вкус к прошлому, ясность суждения, широта обобщений, наконец, художественное понимание человеческой природы, этого главного материала, из которого творится история» [3;2;352].

Еще Б.В. Томашевский справедливо подметил, что исторические сюжеты в творчестве молодого Пушкина отмечены печатью некоей вневременности. Как и французские просветители, Пушкин рассматривал действительность вне привязки к конкретно-исторической эпохе, а красивые идеалы «свободы, равенства и братства», «естественного права» выводились им из свойств, якобы искони присущих человеку. Таковы «Цыганы», «Братья-разбойники» и другие шедевры молодого поэта. Но совсем иные отношения между личностью и обществом рисуются в «Евгении Онегине», «Борисе Годунове», «Капитанской дочке». Пушкин переключает свое внимание на определенную социально-историческую обстановку, ощущает сам и позволяет читателю ощутить дух минувших эпох и лучше понять современность. С начала 30-х годов можно говорить не только об историческом мироощущении мыслителя, но и об историзме как принципе, сознательно реализуемом Пушкиным в поэтическом творчестве.

История осмысливалась Пушкиным не только как глобальный и объективный процесс, но и как субъективное и глубоко-личностное, интимное переживание духовного опыта. Напомню великие строки, которые с детства должен знать каждый русский человек:

*Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам [1;417].*

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно» [2;7;41], – настаивал поэт. Поэтому он не без гордости написал в «Моей родословной»:

*Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил.
Его потомство гнев венчаный,
Иван IV пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.
Смирив крамолу и коварство
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын.
Бывало, нами дорожили;
Бывало... но – я мещанин[1;323].*

Пушкин ощущал себя укорененным лишь в истории и судьбе своего народа. Чаадаеву он писал: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора меня раздражают, как человек с предрассудками ж – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, как нам Бог ее дал» [2;10;871].

В статье «Опровержение на критики» (1830) Пушкин пишет: «Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим» [2;7;136]. Эти слова как нельзя лучше подходят к описанию ситуации в современной России, где за последние двадцать лет сформировалось целое поколение «иванов, родства не помнящих» – молодых людей, полностью лишенных духовно-нравственных корней. Впрочем, эта проблема весьма остро стоит и в Европе, которая утрачивает свои культурно-исторические основы и становится все более и более аморфной и толерантной, бессильной и бездуховной.

Потрясающий историзм поэтического и философского мышления Пушкина – следствие

отнодь не только обращения в прошлое из чистого любопытства. Чаще всего этот историзм заострен социально, политически, он проистекает из жгучих проблем современности. Историзм Пушкина – всегда средство для постижения настоящего, это – попытка осознать, «куда влечет нас рок событий». Именно поэтому неслучаен интерес мыслителя к переломным эпохам истории, прежде всего к истории революции, произошедшей за десять лет до его рождения на земле любимой им Франции.

У Пушкина было удивительное чувство истории. То, что он сам был прекрасным историком, с полной очевидностью доказывает его «История Пугачева». Историки единодушны в этом мнении. Но Пушкин был не только талантливым летописцем, прилежно излагавшим фактологию. Он ощущал сам дух минувшей эпохи, ее вкус и аромат. Вот как в «Арапе Петра Великого» Пушкин лишь в нескольких строках описывает положение Франции, в которой зреют кровавые и неизбежные потрясения революции: «По свидетельству всех исторических записок ничто не могло сравниться с вольным легкомыслием, безумством и роскошью французов того времени. Последние годы царствования Людовика XIV, ознаменованные строгой набожностью двора, важностию и приличием, не оставили никаких следов. Алчность к деньгам соединилась с жаждой наслаждений и рассеянности; имения исчезали; нравственность гибла; французы смеялись и рассчитывали, и государство распадалось под игривые припевы сатирических водевилей» [1;943].

В истории Пушкина интересовали не только создатели государств и империй, но и их разрушители. Он собрал более 50 книг о Французской революции. Он сравнивает перипетии французской истории с сюжетами отечественной. Пушкина чрезвычайно интересовали русская Смута начала XVII столетия, разнообразные бунты и восстания. Поэтому проблема самозванства оказалась в центре двух шедевров поэта: трагедии «Борис Годунов» (1825) и повести «Капитанская дочка» (1836).

Еще на юге Пушкин планировал написать классическую трагедию на сюжет из начальной русской истории «Вадим» о руководителе народного восстания в Новгороде. Разговоры с будущим декабристом В. Раевским, который считал необходимым обращение к русской ста-

рине, не прошли для Пушкина даром. Тема, избранная Пушкиным для «Бориса Годунова», типична для классических трагедий. Это – тема узурпатора, захватившего власть путем преступлений и обмана. Над этой темой хорошо поработали как великий Шекспир, так и французские классики («Китайский сирота» Вольтера, «Гофолия» Расина). В советское время любили предполагать, что Пушкин в «Борисе Годунове» намекал на узурпирование власти Александром I, который, как известно, был соучастником убийства собственного отца, императора Павла. Впрочем, сам Александр Сергеевич давал повод для таких предположений, когда однажды иронично высказался в письме Вяземскому: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию – навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!» [2;10;146].

В «Борисе Годунове» антагонистом избранного народом царя Бориса выступает выдававший себя за сына Ивана Грозного Лжедмитрий, которого великий Н. М. Карамзин в своей «Истории Государства Российского» не без основания назвал «странный»! Витки исторической спирали имеют свою мистическую тенденцию к повтору, и в современной России уже четверть века длится очередное Смутное время. Новые Лжедмитрии пробрались в Кремль и открыли дорогу в самое сердце России новым – теперь уже американским – шляхтичам.

Интересна последняя экранизация «Бориса Годунова», предпринятая Владимиром Мирзоевым в 2011 году. В ней режиссер выразил свое резко негативное отношение к политике современных российских властей. Действие пушкинского шедевра было перенесено в наше безумное время. Вначале это производит совершенно дикое впечатление, но затем фильм захватывает, и зритель начинает понимать, что пушкинский шедевр о власти, равно как и шекспировский «Ричард Третий», не имеет временных границ. Пушкин писал о Годунове, имея перед глазами Николая Первого, а современный режиссер фильма – власть в «демократической» России. Как и во времена Смуты, власть погрязла во лжи, коварстве и равнодушии, ежедневно совершая преступления против собственного народа.

Самозванец у Пушкина понимает, что Борис обречен именно по причине отсутствия народной

любви к нему. Недаром выведенный в трагедии пращур поэта говорит воеводе Басманову:

*Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?
Не войском, нет, не польскою помощью,
А мнением; да! Мнением народным.* [1;870]

Любовь и «мнение» народа – вещь непостоянная. Сам Годунов верно отмечает всеобщую особенность, присущую народным массам во все эпохи человеческой истории:

*Живая власть для черни ненавистна,
Они любить умеют только мертвых* [1;829].

В уста Бориса Годунова Пушкин вкладывает такие строки:

*Лишь строгостью мы можем неусыпной
Сдержать народ. Так думал Иоани,
Смиритель бурь, разумный самодержец,
Так думал и его свирепый внук.
Нет, милости не чувствует народ:
Твори добро – не скажет он спасибо;
Грабь и казни – тебе не будет хуже* [1;866].

Годунов вспоминает здесь об Иване III и его внуке Иване IV Грозном. По сути, в этих словах заключена целая программа осуществления государственной власти. Действительно, в России не везет мягкосердечным и совестливым правителям, тогда как тираны и палачи остаются в памяти народной пускай «грозными» – но благодетелями. Это прекрасно понимал Пушкин, хотя и «призывал милость к падшим» декабристам. Впрочем, если бы заговор декабристов удался бы, то Россию ожидала бы жуткая тирания, и крови бы пролилось поболее, чем во Франции. Благими намерениями вымощена дорога в ад: в прекраснородушном поэте Рылееве скрывался кровожадный «неподкупный» Робеспьер, а в Пестеле проскальзывали черты Дантона. Думается, Пушкину, долго общавшемуся с заговорщиками и знавшему историю Французской революции, это было совершенно ясно.

О «Борисе Годунове» Пушкин писал: «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории... Я писал в строгом уединении не смущаемый никаким

влиянием. Шекспиру подражал я в его вольном и широком изображении характеров, в необыкновенном составлении типов и в простоте. Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописи старался угадать образ мыслей и язык того времени. Источники богатые» [2;6;120].

Пушкин недаром спрашивает и отвечает самому себе и читателям: «Что развивается в трагедии? Какая цель ее? Человек и народ – судьба человеческая и судьба народная. Вот почему Расин велик, несмотря на узкую форму своей трагедии. Вот почему Шекспир велик, несмотря на неравенство, небрежность, уродливость отделки.

Что нужно драматическому писателю? Философия, беспристрастие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, никакого предрассудка, любимой мысли. *Свобода* [2;7;436].

Пушкин выделил слово «свобода», что, в общем-то, не было свойственно его манере письма. Именно внутреннюю свободу художника Пушкин ставил превыше всего и отстаивал ее как для себя, так и для других. Это не всегда понимали комментаторы и исследователи, делавшие из Пушкина «пламенного революционера». Пушкин был последователем идеалов Просвещения и русским патриотом, который мечтал видеть на русском троне именно просвещенного монарха. Недаром он одним из первых восславил подавление восстания строптивых поляков, что привело его к полному разрыву с Адамом Мицкевичем. Конечно, многочисленные пушкинские эпиграммы на Александра I (чего стоит только «Ты и я») и многочисленные едкие характеристики Николая I забавляют читателей до сих пор, но из них не следует делать вывод о том, что поэт был революционером до мозга костей. Как и Гёте, Пушкин полагал, что всякие попытки ускорения хода истории приведут к печальным последствиям. Революция – социальный катаклизм, сходный по своим губительным последствиям с цунами или извержением вулкана. В истории должны доминировать эволюционные факторы. К такому выводу пришел Пушкин, хотя ему и приписывается перевод жуткой французской песенки, слова которой любил повторять гуманист Дидро:

*Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим* [1;192].

Сама песенка – парафраз известной фразы из завещания аббата-атеиста Жана Мелье (1664–1729), который высказал пожелание, чтобы все сильные мира и знатные господа были перевешаны и удушены петлями из кишок священников. Это пожелание во Франции выполнялось в годы жуткой революции неоднократно, о чем Пушкину было, разумеется, известно. Недаром он обратится к истории отечественных жакерий и напишет в «Капитанской дочке»: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим чужая головушка полущка, да и своя шейка копейка» [1;1130].

В «Капитанской дочке» Пушкин воскрешает из небытия другого удалого самозванца – Емельяна Пугачева, принявшего имя Петра III. Если Дмитрий Иоаннович погиб в младенчестве, то Петр Федорович (Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский) был убит любовниками своей супруги Екатерины II в возрасте 34 лет. За Петра III, спасшегося чудесным образом, выдавало себя около 40 самозванцев, но лишь донской казак Емельян Пугачев навечно вошел в русскую историю. Именно его колоритная фигура находится в центре внимания Пушкина.

Пушкин осенью 1833 года побывал в Оренбурге, чтобы лучше почувствовать то время и понять саму «пугачевщину». Ведь еще были живы очевидцы трагических событий. Со многими из них Пушкину удалось встретиться. Пушкин пишет об одной такой встрече: «Озорник, но молодец был батюшка Государь Петр Федорович, – с удовольствием вспоминала казачка, которая за 60 лет перед тем удостоилась чести быть одной из наложниц самозванца». Пугачев заметил ее на улице и велел привести к себе в баню. Кстати, в «Борисе Годунове» Самозванцу дается схожая характеристика:

*А говорят о милости твоей,
Что ты, дескать (будь не во гнев), и вор,
А молодец* [1;863].

В Пугачеве поэт-мыслитель почувствовал размах вождя, масштабы подлинно исторической личности. Если в «Истории Пугачева» он передал сущность бунта и последовательность событий со всей скрупулезностью и правдивостью историка, то в «Капитанской дочке» он выступает как художник. Пугачев в повести предстает не жестоким монстром, а лукавым, отважным и хитрым казаком, способным отплатить добром за добро. Недаром Пушкин некогда увлекался романтическими пиратами Байрона. Эта юношеская страсть повлияла на его отношение к Пугачеву.

Пушкин признавал решающую роль личности в истории. Подчеркнем еще раз, что воспитан молодой Пушкин был на идеях французских просветителей XVIII века, которых часто называли в России просто философами. Просветители, как известно, считали, что преобразование общества может и должно быть достигнуто благостной деятельностью просвещенного монарха, «философа на троне». Эта вера долго держалась и у Пушкина, который особо интересовался деятельностью преобразователей на троне, закономерностями их появления и ролью в истории.

Не следует забывать и того обстоятельства, что Пушкин был младшим современником великого Наполеона Бонапарта – универсального гения, грандиозная фигура которого отбрасывает свою величественную тень на всю европейскую историю и поныне. Пушкинский Наполеон – «под шляпой с пасмурным челом, с руками, сжатыми крестом» – властитель дум нескольких поколений мыслящих европейцев, романтический герой. Таким представляло Наполеона русское дворянство, таким знала его поверженная Европа, которую он не переставал перекраивать по собственному вкусу.

Но Пушкин в Наполеоне увидел не только великого государственного деятеля и полководца («воплощенная революция»), но и человека, достойного сочувствия и даже жалости. В стихотворении «Наполеон», написанном на смерть Бонапарта, поэт пишет:

*Искуплены его стяжанья
И зло воинственных чудес
Тоскою душевного изгнанья
Под сенью чуждою небес.
И знойный остров заточенья*

*Полнощный парус посетит,
И путник слово примиренья
На оном камне начертит,
Где, устремив на волны очи,
Изгнанник помнил звук мечей,
И льдистый ужас полуночи,
И небо Франции своей;
Где иногда, в своей пустыне
Забыв войну, потомство, трон,
Один, один о милом сыне
В унынье горьком думал он [1;59].*

Пушкин оценивает Наполеона как русский патриот, как представитель великого народа, героизм которого положил начало крушению наполеоновской империи:

*Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала! он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал [1;59].*

В 1824 году Пушкин находит удивительно точные слова для оценки роли великого Бонапарта в мировой истории:

*То был сей чудный муж, посланник providенья,
Свершитель роковой безвестного вельня,
Сей всадник, перед кем склонилися цари,
Мятежной вольности наследник и убийца,
Сей хладный кровопийца,
Сей царь, исчезнувший, как сон, как тень зари
[1;210].*

Свои взгляды на философию русской истории Пушкин часто выражал в оценке российских самодержцев. Крайне интересны написанные в 1822 году «Исторические замечания», в которых Пушкин размышляет о политической судьбе и закономерностях развития России после Петра Первого. Именно в этих заметках впервые Пушкин выражает восхищение Петром, сравнивая «северного исполина» и его «ничтожных наследников».

Отношение Пушкина к монархии и российским самодержцам – тема довольно исследованная. В советское время любили подчеркивать

романтическую революционность поэта, вкладывая вольнолюбивое содержание даже в те пушкинские строки, где такого содержания не было и в помине. Но нечасто вспоминали, что Николай Первый 8 сентября 1826 года на балу у герцога Девонширского назвал Пушкина «умнейшим человеком России». Об этом пишет М.П. Погодин, историк, литератор, издатель журналов «Московский вестник» и «Москвитянин». Погодин поддерживал дружественные и деловые отношения с Пушкиным, особенно в конце 1820-х годов, и присутствовал на авторском чтении «Бориса Годунова» у Веневитинова. Но Николай не зря так лестно отозвался о поэте. Именно в этот день Пушкин дал царю обещание ничего не писать «противу правительства».

Такой глубокий мыслитель, как С.Л. Франк, считал Пушкина монархистом: «Монархизм Пушкина есть глубокое внутреннее убеждение, основанное на историческом и политическом сознании необходимости и полезности монархии в России – свидетельство необычайной объективности поэта, сперва гонимого царским правительством, а потом всегда раздражаемого мелочной подозрительностью и враждебностью» [4;50].

В русской истории Пушкин искал образ правителя, который мог бы стать не только эталоном отечественной власти, но и послужить укором для Николая Первого, который расправился над декабристами. Такой пример Пушкин находит в Петре, хотя и понимает, что было бы ошибкой безмерно идеализировать фигуру царя-реформатора. Мятежи и казни были и при Петре; кровь инакомыслящих лилась рекой. Пушкин признавал, что произведенный Петром переворот «был крутым и кровавым». Но, по мнению поэта, Петр умел прощать. И Пушкин пишет стансы «В надежде славы и добра...», где обращается к Николаю:

*Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращурю подобен:
Как он, не утомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.* [1;263].

Впечатляют и по сей день пушкинские подготовительные тексты к «Истории Петра». Даже те заметки, что дошли до нас, свидетельствуют о монументальности замысла поэта, мысль которого ушла далеко вперед, обогнав

всех официальных исследователей, казеннокоштных историков и философов. А ведь многие заметки о Петре оказались утеряны безвозвратно: невежественные потомки поэта заворачивали в его бесценные бумаги домашние консервы.

Образ Петра Великого проходит через все творчество Пушкина. Сразу после Оренбурга, в Болдине, упоенный и полный чувством истории, он начисто переписал поэму «Медный всадник». От мятежника и самозванца Пугачева, объявившего себя внуком великого Петра, Пушкин обратился непосредственно к фигуре самого могучего императора во всей русской истории. В черновиках поэта, которые традиционно называют «История Петра. Подготовительные тексты», мы находим следующую запись: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и кажутся писаны кнутом. Первые были для вечности или, по крайней мере, для будущего. Вторые вырвались у нетерпеливого, самовластного помещика».

Но Пушкина привлекал государственный гений Петра, поэтому квинтэссенцией его воззрений на эту грандиозную фигуру стал образ медного императора, скачущего ночью по улицам основанной им столицы. В «Медном всаднике» Пушкин использовал жутковатую петербургскую легенду об оживающей по ночам статуе царя-реформатора. По сути, Пушкин на страницах поэмы обозначил важнейшую для философии истории проблему соотношения сверхчеловеческой воли повелителя и судеб маленьких людей. Петр, по мнению поэта, «презирал человечество, может быть, более, чем Наполеон». Впоследствии эти мысли Пушкина о Петре разовьет Александр Герцен: «Петр I – самый полный тип эпохи, или призванный к жизни гений-палач, для которого государство было все, а человек ничего; он начал нашу каторжную работу истории, продолжающуюся полтора века и достигнувшую колоссальных результатов».

Рост империи, сопровождающийся гибелью незащищенных людей, имеющих право на человеческое счастье, – проблема актуальнейшая, что доказала история нашей Родины именно в ушедшем XX веке, столь богатом на разнообразные социальные эксперименты. Впослед-

ствии великий Достоевский заговорит о том, допустимо ли пролить слезинку ребенка для достижения всеобщего благополучия. Но начало этих раздумий в русской литературе и философии положил именно Пушкин.

Пушкин много размышлял, как до него это делали Юм, Вольтер и Гегель, о причинности исторических событий. Причинность дает повод поразмышлять лишь о тех факторах, которые вызывают данное явление к жизни непосредственно. Причины не следует искать в далеком прошлом. Пушкину была известна шутовская попытка Вольтера доказать, что французского короля Генриха IV убили потому, что некий индус однажды, столетие тому назад, поднялся не с правой, а с левой ноги. Работая над «Историей Пугачева», Пушкин был уверен, что исторические события вызываются к жизни исключительно однопорядковыми событиями, равными по характеру и значению. Причина события – всегда рядом, она переходит в следствие практически непосредственно. Поэтому Гегель утверждал, что причина и действие суть не два события, а одно. Именно Гегель показал несостоятельность теорий «малых причин», «роковых случайностей», якобы изменяющих судьбы народов и государств.

Пушкин был, в целом, согласен с Гегелем, хотя, разумеется, не читал его «Философию истории». Но ему были хорошо известны «Мысли» Паскаля, который писал о том, что если бы нос Клеопатры был короче, то вся мировая история сложилась бы по-другому. Поэтому Пушкин все же поразмышлял над тем, как выглядел бы ход всемирной истории, если бы патрицианка Лукреция влепила бы пощечину царю Тарквинию Гордому, взявшему ее насильно и давшему тем самым, согласно сочинениям историков, повод для провозглашения царского Рима республикой. Но из этих размышлений поэта родился лишь шуточный «Граф Нулин», а отнюдь не монументальный труд по всемирной истории. И все же поэт был не готов безоговорочно отрицать великую роль Случая в перипетиях всемирной истории.

Пушкина не особо тянуло изображать массовые сцены с участием большого количества людей. Масса – всегда толпа, а толпе свойственна безликость. Для массы характерны относительно устойчивые в определенную эпоху нравы. А личность – это нравственность, мысли-

мая только в подвижности, в динамике. С личности больше спроса, чем с массы, где доминирует принцип «как все, так и я». Вина может быть коллективной, но ответственность – всегда индивидуальна. Поэтому в описании исторических событий Пушкина интересует именно личность, а массе он отводит роль фона, хотя именно масса порой и служит для личности оправданием для собственных поступков. Поэтому он дает своим историческим сочинениям заглавия «История Пугачева» и «История Петра».

В целом, Пушкину удалось в своем творчестве синтезировать наиболее ценные идеи нарождающихся славянофильства и западничества, в том числе и в оценке фигуры Петра-реформатора. Именно Пушкину удалось первому увидеть в Петре диалектический синтез противоположностей: «Петр I был нетерпелив. Став главою *новых* идей, он, может быть, дал слишком крутой оборот огромным колесам государства» [2;7;448].

Пушкин оставил потрясающие строки, поражающие своей всеохватностью и вневременным, общечеловеческим масштабом. Поэтому как будто о современной России читаем мы следующие строки из стихотворения «Друзьям»:

*Беда стране, где раб и льстец,
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу*[1;275].

«Деспотизм, – отчеканивает Пушкин по поводу Петра, – окружает себя преданными наемниками, и этим подавляется всякая оппозиция и независимость». Эта мысль актуальна для всех эпох, в том числе и для нашего жалкого времени.

Пушкин не дедуцировал законы исторического развития из абстрактного философского мышления. История не выступала у него как метафизическая проблема, хотя он признавал в ней проявления трансцендентной закономерности в виде судьбы. Движущей силой исторического процесса Пушкин считал деятельность великих людей, ломающих привычные стереотипы и традиционный жизненный уклад.

Свои мысли Пушкин выражал как через поступки и высказывания созданных им героев, так и непосредственным авторским текстом или в лирических отступлениях. На страницах своих шедевров Пушкин размышлял о диалек-

тике индивидуального и общечеловеческого, личного и общественного.

Поэтому философия истории Пушкина – как по форме, так и по содержанию, – может

рассматриваться как синтез поэзии, истории и философии, этих трех главных органов человеческого самопознания и величайших духовных потенций.

13.05.2013

Список литературы:

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2008.
2. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Л.: Наука, 1977-1979.
3. Тыркова-Вильямс А. Жизнь Пушкина в 2 томах. М.: Молодая Гвардия, 2010.
4. Франк С.Л. Этюды о Пушкине. СПб., 1998.

Сведения об авторе:

Горохов Павел Александрович, заведующий кафедрой социальной философии
Оренбургского государственного университета, доктор философских наук, профессор
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2313, тел. (3532) 372583, e-mail: socf@mail.osu.ru

UDC 091

Gorokhov P. A.

Orenburg state university, e-mail: socf@mail.osu.ru

PHILOSOPHY OF HISTORY BY ALEXANDER PUSHKIN

The article deals with a historiosofic component in the creations of the Great Russian poet and thinker. History by Pushkin did not appear as a metaphysical problem, although he acknowledged its manifestations of a transcendent regularity as the destiny. As the driving force of the historical process the thinker considered activities of famous people. The philosophy of history Pushkin, both in form and content, can be regarded as a synthesis of poetry, history and philosophy, the three main organs of the human self-knowledge and the greatest spiritual potencies.

Key words: philosophy of history, philosophy, literature, philosophy, individuality, mass.